

На мгновение все замерло - кульминация фильма, когда все замирает. Затем реальность вернулась, и это был не фильм, потому что ни один фильм никогда не мог причинить такую боль. Я тупо уставилась на тело, часть меня все еще не верила, потому что это не мог быть Хорио, как это мог быть Хорио? Хорио был громким, раздражающим мальчишкой, который в конце концов стал младшим братом, которого я никогда не хотел, но без которого не мог представить себе жизни. Сломанная кукла на земле не была Хорио. И не могла быть.

Но это был он, и стена отрицания начала рушиться, уступая приливной волне горя и страдания. Никогда раньше мне не было так легко направлять энергию духа в нужное русло. Ярость, казалось, придавала мне сосредоточенность и решимость, которых мне раньше не хватало. Схватив руку, державшую нож у моего горла, я послал по ней волну энергии, отключая нервные рецепторы и мышцы. Его рука обмякла, а нож, который он держал, выпал из внезапно онемевших пальцев. Я поймал нож, прежде чем он упал на пол, и, усилив его слоем реяцу, вонзил прямо в грудь державшему меня человеку. Нож прошел сквозь ребра, как раскаленная кочерга сквозь масло. Когда он, шатаясь, отступил назад и рухнул, я ошеломленно смотрел на кровь, заливавшую мои руки. Внезапно мне захотелось вырвать, и я нагнулся и выдохнул. Это было так легко, слишком легко, просто быстрый удар в сердце.

Толчок в бок застал меня врасплох, и я споткнулся. Подняв глаза, я увидел, что Тацуя отражает удар меча своим кинжалом. "Бой еще не окончен, Хисана. Здесь не место отвлекаться". Его голос был суровым и холодным, и только боль в глазах выдавала его горе. Я кивнул, отгоняя мысли с легкостью, которую давали мне только годы медитации. Дальше все было как в тумане: удар ножом, уклонение от удара, направленного в голову, удар ногой, перекат, чтобы избежать удара мечом. На мгновение показалось, что мы победим. Мицуо сражался с двумя из них одновременно, каждое движение было продуманным и совершенно без пощады. С лица Казуки исчезла вечная ухмылка, и краем глаза я увидел, как он пронзил мечом шею противника, едва не обезглавив его. Лицо Каори было еще более нечитаемым, чем обычно, и она спокойно наблюдала за истекающим кровью врагом с холодным взглядом. Я крутанулся на месте, пригнулся и подставил подножку парню, подкрадывавшемуся ко мне сзади, отправив его кувыркком вперед. А Тацуя, Тацуя был...

В моих ушах раздался странный гул. Я непонимающе уставился на Тацую - Тацую, у которого между грудными клетками был зажат нож, и продолжал неподвижно смотреть, как рука, в которой был зажат нож, вырывает его обратно, серебро теперь окрасилось в красный цвет. Целую вечность Тацуя просто стоял на месте с ошеломленным выражением лица, а потом он стал падать, прижимая руку к груди, падать, падать, падать...

Смутно я услышал слева от себя яростный рев. Казуки, отстраненно подумал я, но не оглянулся, не смог оторвать взгляд от невозможной сцены перед глазами. Все ждала, что Тацуя снова встанет, вскочит на ноги и продолжит драться с беззаботной, дикой ухмылкой на лице. Вставай! Я хотел закричать, потому что было что-то совершенно неправильное в том, что Тацуя, наш защитник, учитель и лидер, лежит здесь беспомощный, слабый.

Кулак метнулся к моему лицу, и я моргнул, уклоняясь от него скорее рефлексивно, чем как-то иначе. Подняв голову, я увидел, что передо мной стоит тот самый парень, о которого я споткнулся, и его лицо исказила уродливая усмешка.

"Ну что, маленькая девочка будет плакать?" - насмеялся он. насмеялся он. "Что ж, все честно. Вы убили нашего лидера, мы убили вашего". Когда я никак не отреагировала, он усмехнулся. "Что случилось? Ты любила его? Ты еще слишком молода, чтобы раздвигать ноги, но..."

Что-то внутри меня щелкнуло, и в тот момент мне было плевать на мораль, самооборону и обещание, которое я дала себе как врач (не навреди). Я бросилась вперед, набросилась на него, умудрившись повалить его исключительно из-за неожиданности с его стороны. Затем мои руки оказались у его груди, и я направил все больше и больше реяцу, перекрывая артерии и вены, пока не осталось ничего, кроме тишины. А потом я уже бежала к Тацуе, стояла на коленях и судорожно проверяла пульс. Тацуя схватил меня за запястье и слегка улыбнулся.

"Привет, Хисана, - хрипло сказал он, когда я поспешно просканировала его своим реяцу. "Похоже... я действительно облажался... на этот раз, не так ли?"

"Молчи, идиот", - задохнулся я. Ощущение было такое, будто кто-то залил мне в горло кислоту. Я начал паниковать: заживающие порезы и синяки - это одно. А сломанные ребра? Внутреннее кровотечение? Пробитое легкое, быстро наполняющееся кровью? Я даже не знал, с чего начать.

Он закашлялся, и из уголка его рта потекла красная струйка. До меня донеслись звуки замедляющегося боя. "Не... плачь", - тихо сказал он. Я покачала головой, яростно вытирая слезы, и прижала руки к его ране, отчаянно пытаюсь остановить кровь.

"С тобой все будет хорошо", - сказала я вместо этого. "Ты слышишь меня? С тобой все будет хорошо". Он улыбнулся мне окровавленными губами. "Ложь... тебе не идет". Он слегка задыхался, его хватка на моем запястье ослабла. "Помолись... за меня, Хисана?" Тацуя закрыл глаза и обмяк, минутные взлеты и падения его груди наконец прекратились.

"Нет", - прошептала я, - "НЕТ!" Упираясь руками в его грудь, я посылая в его сердце всплеск за всплеском реяцу, пытаюсь сделать хоть что-то, хоть что-то, чтобы заставить его снова биться. Когда его сердце упрямо не двигалось, я начала колотить кулаками по его телу. "Ты идиот!" закричала я. "Ты... как ты смеешь так сдаваться? Ты обещал мне, что позаботишься о Рукии! Ты сказал, что мы станем семьей! Очнись! Ты... ты не можешь умереть". Я начал вливать энергию духа в тело Тацуи, надеясь, молясь, что произойдет чудо, что мое реяцу откликнется на мои желания и сотрет его раны, что Тацуя встанет, ухмыльнется и будет ругать меня за то, что я сомневался в нем. Пара рук обхватила меня за талию и потащила прочь.

"Хисана!" Я узнала голос Казуки. "Прекрати! Он ушел! Теперь ты ничем не сможешь ему помочь". Я проигнорировал его, яростно сопротивляясь сковывающим меня рукам.

"Мицуо, отпусти!" крикнул я. "Ты не понимаешь!"

Звук удара плоти о плоть показался мне ненормально громким, как хлопок выпущенной пули. Я поднес руку к щеке, все еще болевшей от удара руки Каори. "Каори..." сказал я,

ошеломленный.

"Думаешь, тебе одной больно? Мы тоже любили его! И его, и Хорио!" Каори кричала, ее безэмоциональная маска в кои-то веки полностью исчезла. Ее глаза были красными, а слезы смешивались с кровью, капающей из уродливого пореза на лице. "Они тоже были нашей семьей! Так что не смейте говорить, что мы не понимаем!"

"Это не одно и то же", - закричал я в ответ. "Я наш доктор! Моя работа - исцелять их, и я не справилась! Я не справилась! Я не смог их спасти! Что толку от меня, если я не могу сделать даже этого?" Я уже плакал, глаза покраснели и захлебывались слезью, горло сводило.

"Ты наш доктор", - заговорил Мицуо, голос его звучал с болью, но был непоколебим и тверд. "И вы не смогли их спасти. Но и мы потерпели неудачу". Казуки кивнул, сжимая челюсть.

"Мы - запасной вариант. Ты никогда не брал на себя роль бойца, но мы... мы должны были не дать им пострадать в первую очередь". Он отвел взгляд. "Я не смог помешать Хорио броситься в бой и убить себя, и я должен был быть там, чтобы остановить этого ублюдка до... до..." Каори нежно положила руку ему на плечо.

"Никто из нас не свободен от вины, - сказала она, глядя мне в глаза, - но и вина не лежит полностью на нас". Ее глаза ожесточились. "И мы позаботились о том, чтобы их убийцы пожалели об этом".

"Пойдем", - мягко сказал Мицуо. "Я возьму Тацую, а Казуки пусть возьмет Хорио. Пойдемте домой".

<http://tl.rulate.ru/book/103014/3574269>